

Д.В. Мельник

к.э.н., доцент, зам. руководителя Центра истории и методологии экономической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Д.С. Холдевич

магистрант, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

ОТБЛЕСК УШЕДШЕГО НЭПА? ЯПОНСКАЯ НЕФТЯНАЯ КОНЦЕССИЯ НА САХАЛИНЕ (1925–1944)

Аннотация. Одной из вполне сложившихся концепций в понимании советского периода является рассмотрение его начального этапа в привязке к проведению новой экономической политики (НЭПа) и последующему отходу от неё. Это отразилось и на анализе опыта иностранных концессий 1920-х гг. Он устойчиво рассматривается как один из элементов НЭПа. В данной статье мы исходим из того, что эта концепция является гипотезой, требующей проверки. С этой целью в первом разделе даётся краткий обзор историографии советских концессий. Во втором разделе советская концессионная практика на Дальнем Востоке помещается в более широкий контекст отношений между Россией и Японией. В третьем разделе на основе опубликованных и архивных данных рассматриваются основные проблемы в деятельности японской нефтяной концессии. В четвертом разделе делается попытка проведения комплексной оценки желаемых и достигнутых результатов её деятельности для обеих сторон. В заключении приводятся два основных теоретических вывода. Во-первых, гипотеза, согласно которой начало концессиям было положено переходом к НЭПу, а конец — его свёртыванием (обусловленным, в свою очередь, политическими факторами), не находит однозначного подтверждения на основе рассмотренных данных и нуждается в дальнейшей проверке. Поэтому можно предположить, что «нэпоцентричность» в подходе к советскому концессионному опыту затрудняет его анализ. Во-вторых, концессионные предприятия по разработке недр на Дальнем Востоке возникали, исходя из сложившегося баланса сил между государствами. Потому их функционирование изначально зависело от сохранения этого баланса в большей степени, чем от показателей экономической эффективности для обеих сторон. Данный вывод, как представляется, имеет не только историческое значение.

Ключевые слова: *концессии, концессионные соглашения, Россия, Япония.*

JEL: B14, B24, F51, N44, N45, P28, P33

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_133_155

© Д.В. Мельник, Д.С. Холдевич, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельник Д.В., Холдевич Д.С. Отблеск ушедшего НЭПа? Японская нефтяная концессия на Сахалине (1925–1944) // Вопросы теоретической экономики. № 2. 2023. С. 133–155. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_133_155.

FOR CITATION: Melnik D., Kholdevich D. A Gleam of the Gone NEP? The Japanese Oil Concession on Sakhalin (1925–1944) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 2. 2023. Pp. 133–155. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_133_155.

Концессии в отечественной историографии

С конца 1980-х гг. тема концессий в СССР привлекает устойчивое внимание исследователей и популяризаторов исторического опыта. Сама же проблематика концессий начала обсуждаться уже с первых месяцев Советской власти, с подачи прежде всего В.И. Ленина [Булатов, 2012а, б]. Это нашло отражение в бурных дискуссиях на различных встречах, совещаниях и съездах, а также в периодической печати того времени. С середины 1920-х гг., когда концессии перешли из области дискуссий и проектов в практическое воплощение, в советской литературе стали появляться первые попытки описания и теоретического обобщения этого опыта (ёмкий обзор литературы по концессиям, вышедшей за последующие десятилетия, представлен в [Левин, Шевелева, 2016. С. 140–141]). В целом отечественную литературу по данной проблематике можно разделить на три периода.

В 1920-е гг. концессия понималась как уступка Советского государства международному капиталу, вызванная экономической отсталостью. Это представление высшего политического руководства отражалась и в литературе того периода. Так, В.П. Бутковский описывал концессии как некую усложнённую вариацию иностранных займов. Помимо денег, которые можно было бы получить при помощи займов, советское государство нуждалось в технике и человеческом ресурсе, и именно такого рода заём Бутковский трактовал как советскую концессию [Бутковский, 1928. С. 14]. С таким пониманием концессий были связаны и ожидания результатов вынужденной экономической уступки. Противники расширения концессионной практики указывали на политическую опасность, вытекающую из заведомых экономических преимуществ иностранного капитала. Напротив, сторонники сохранения и расширения концессионной практики отмечали те экономические выгоды, которые нёс с собой иностранный капитал, и указывали на минимальные внутривнутриполитические риски, связанные с его ограниченным допуском. С теоретической точки зрения вероятно важнейшей проблемой этого периода было само определение понятия и границ концессии, которое позволяло бы непротиворечиво вписывать частнопроводимые принципы функционирования и мотив извлечения прибыли в послереволюционную политико-правовую систему, базирующуюся на коммунистической идеологии. Заметим, что именно это противоречие вызывало постоянное напряжение и многочисленные проблемы уже тогда, когда концессионные механизмы получили практическое воплощение.

В немногочисленных специальных исследованиях, вышедших в 1960–1970-е гг., концессии продолжали рассматриваться как вынужденная и потому временная уступка. Однако основной задачей здесь стало вписывание концессионного опыта в сложившуюся к тому времени каноническую схему советской экономической системы, которая постулировала последовательное и неуклонное развёртывание планомерной социалистической экономики под руководством коммунистической партии. Концессии в эту схему вписывались плохо, представляя в ней явным отклонением или курьёзом. По сути, проблема наличия чужеродного «вируса» капитализма в «теле» большевистского государства, которая красной нитью проходила через попытки юридических определений и практической политики в 1920-е гг., воспроизвелась в 1960–1970-е гг. в области историко-экономических построений. Именно в исследованиях этого периода были описаны основы концессионной политики Советского государства и введена в оборот значительная часть доступных данных, относящихся к общим принципам и условиям работы концессий. Однако фактологический материал обрамлялся (и, очевидно, рихтовался) концептуализациями в рамках общего советского исторического канона. Другим важным фактором, повлиявшим на «видение» концессий в тот период стал постсталинский курс на нормализацию отношений с миром капитализма и «мирное сосуществование» с ним.

Так, возникновение самой идеи концессий уже в первые месяцы после Октябрьской революции рассматривалось в пакете с другими высказываниями и решениями большеви-

ков как свидетельствующими об изначально миролюбивом характере ленинской дипломатии [Шишкин, 1969. С. 23–25; 34–35]. Незначительность распространения концессий к середине 1920-х гг., явно не соответствующая размаху первоначальных замыслов и проектов, объяснялась тем, что «с одной стороны, сами концессионеры стремились лишь к высоким прибылям и не переносили к нам передовую технику, а с другой стороны, наша собственная крупная социалистическая промышленность стала развиваться быстрыми темпами...» [Лященко, 1956. С. 161]. Позднее, в специальных исследованиях процесс свёртывания большинства возникших концессий благоразумно выводился авторами за рамки исследуемого периода или рассматривался весьма сжато и обтекаемо [Шишкин, 1969]. Уже в 2000-е гг. С.С. Хромов, издавший сборник документов по концессиям, мог доказывать, что «чисто экономически концессии не оправдывали себя» и приводить «многочисленные документы, показывающие, что концессии были весьма выгодны некоторым иностранным фирмам и не очень выгодны (а порой даже совсем невыгодны) советскому государству» [Иголкин, 2007. С. 171]. Однако в хрущёвско-брежневскую эпоху излишне подробное обоснование тезиса об экономической неэффективности концессий вступало бы в противоречие с тезисом об изначальной прозорливости и последовательности «ленинского курса», а само обращение к данным, относящимся ко времени «отхода от ленинских принципов руководства», неизбежно тянуло бы за собой массу смежных неполиткорректных вопросов.

«Золотой век», точнее миг, советской исторической науки (а вместе с ней и советских исследований концессий) настал в период перестройки. Тогда происходит перенос вопроса о поиске факторов динамики концессионной практики почти исключительно в политическую плоскость. Успехи концессий связываются с успехами НЭПа, а свёртывание концессий — с сочетанием неблагоприятных для их дальнейшего развития политических условий на Западе и внутри страны [Шишкин, 1991. С. 390–391]. Автор, возможно, самой популярной работы по концессиям того периода писал: «Работы по избранной нами теме издавались и в “безгласное” время. Думается, однако, что теперь следовало бы вернуться к её обсуждению на новом уровне научной свободы» [Донгаров, 1990. С. 8]. В этой же работе (всё ещё с ритуальной ссылкой на выступление генсека М.С. Горбачёва) путь интеграции в мировую экономику постулировался как безальтернативный. Отмечая прежде всего «указы и постановления 1986–1987 годов о новых формах внешнеэкономического сотрудничества, в том числе по линии совместных предприятий», автор писал: «В основе принятых в последнее время решений лежат совершенно очевидные для экономистов факторы, доминирующие вот уже около столетия в мирохозяйственных связях. Это, во-первых, опережающий внутреннее экономическое развитие рост внешней торговли и, во-вторых, опережающий внешнюю торговлю рост экспорта капитала» [Донгаров, 1990. С. 3–4]. Концессии в СССР 1920-х гг. при такой постановке вопроса приобретали первостепенное значение, во-первых, как основной доступный канал связи внутренней экономики с внешним миром и, во-вторых, как канал, обеспечивавший наиболее «прогрессивную» форму этой связи — экспорт капитала. Более того, утверждалось (со ссылками на Ленина), что «действительной альтернативой военному коммунизму был не тот НЭП, который мы знаем по истории, а НЭП, главной экономической сутью которого было воссоединение народного хозяйства России с мировой экономикой посредством концессий» [Там же. С. 52].

В период перестройки — в условиях, когда политический курс на «мирное сосуществование» достиг своего апогея — фокус внимания в исследованиях концессий сместился с реальных результатов их функционирования на потенциальные. При этом вопрос о том, почему же советская экономика не пошла по потенциально выигрышному пути всемерного развития концессий становился риторическим, поскольку ответ на него подразумевался политической оценкой «культы личности». Таким образом, анализ концессионного опыта 1920-х гг. оказался вплетён в один из узловых вопросов научной и публицистической литературы перестроечного периода: вопрос о судьбах и перспективах НЭПа. Проблема

же чужеродности концессий — нацеленных на извлечение прибыли капиталистических предприятий — снималась рассмотрением их как одного из элементов, которые могли бы обеспечить «мирное сосуществование» капитализма и социализма не только на международной арене, но и в рамках советской экономической системы.

После 1991 г. обоснование возможности построения (или перестраивания) советской модели на альтернативных «реальному» социализму «демократически-рыночных» основаниях очень быстро превратилось в нишевой продукт. Яркое выражение нового, постсоветского направления в исследованиях концессий представлено в [Левин, Шевелева, 2016]. Проблема чужеродности концессий — центральная и в этой работе. Но они рассматриваются уже как островки «нормальной экономики» в море аномалий. Характерен и вопрос, вынесенный в заголовок: «Почему расстались?» Он неявно выводит анализ концессионного опыта в «мейнстрим» отечественной историографии — в обозначение той колеи, после попадания в которую всё пошло «не так».

Анализ концессий продолжает привлекать внимание исследователей и в последние десятилетия, но нельзя утверждать, что основная масса работ в этой области носит концептуальный характер. Интерес к ней поддерживается не поиском или обоснованием путей развития, а более приземлёнными обсуждениями соглашений о разделе продукции в 1990-е гг. и особенно законодательства о концессионных соглашениях и его применения с середины 2000-х гг. Это несомненно облегчает всегда непростое для исторических исследований написание «пункта актуальности» (что стало важным с усилением роли грантового финансирования). А существенно увеличившаяся по сравнению с советским периодом доступность архивных данных, в том числе и в региональных архивах, добавляет баллов к пункту новизны.

Вместе с тем сложившиеся за советский период концепции продолжают накладывать отпечаток на многие из них. Зачин стандартной современной работы по истории концессий состоит в цитировании из имеющихся источников (преимущественно советского периода) некоторых фактов, относящихся к зарождению идеи и практики концессий в первые послереволюционные годы. Затем следует описание конкретных случаев одного или нескольких концессионных предприятий (с использованием архивных или уже опубликованных данных). Однако выводы нередко связывают судьбу советских концессий с перестроечной концепцией «свёртывания НЭПа» вне зависимости от изложенного содержания конкретного исторического материала.

Особый интерес в связи с этим представляют те немногочисленные концессии, которые продолжили своё существование и за хронологическими границами НЭПа. Наибольший временной выброс составляют японские концессии на Дальнем Востоке. Они выступают аномалиями в аномалии (иностранными капиталистическими предприятиями в СССР, работа которых не были свёрнута после начала форсированной индустриализации).

Россия и Япония на Дальнем Востоке

Возникновение японских концессий на Сахалине следует рассматривать в контексте не только советской экономической политики середины 1920-х гг., но и всей истории взаимодействия России и Японии на Дальнем Востоке. Систематические контакты и конфликты представителей двух стран начались на рубеже XVIII–XIX вв. на Сахалине и Курилах. Вопрос об их принадлежности стал центральным для последующих двусторонних отношений. Но на тот период не только для России, но и для Японии эти территории были отдалённой периферией, имеющей значение лишь в качестве удалённых форпостов. Из Петербурга Сахалин виделся продолжением Приамурья и Приморья — «диких» земель, попадавших в поле зрения лишь в пору пограничных трений с Китаем. Включая Курилы

с 1770-х гг. в состав империи на бумаге, российское правительство не имело практических возможностей, да и стимулов, для установления непосредственного административного контроля над ними [Агеева, 2013. С. 38–39; Потанова, 2012. Разд. 3]. Японское же правительство в период сёгуната и самоизоляции и вовсе не могло ставить имперские цели. Притом, что Хоккайдо — ближайший остров со значительным постоянным присутствием японских подданных — сам являлся «дикой» территорией с преобладанием коренного населения, к хозяйственному освоению которой японцы тогда ещё не приступили. Не имели тогда особого значения эти территории и с экономической точки зрения. Для русских они были боковым и удалённым ответвлением пушных промыслов на Камчатке и в Русской Америке. Для японцев — удалёнными местами стоянок для рыбных промыслов.

Симодский трактат, заключённый между двумя странами в 1855 г., стал отражением этих условий в изменившейся международной обстановке. Западные державы настойчиво подталкивали Японию к «открытию». Россия оказалась в состоянии войны с коалицией европейских стран, в ходе которой боевые столкновения на тихоокеанских рубежах выявили их уязвимость. Произошло разделение Курил: Уруп и острова к северу от него отходили России, Итуруп и острова к югу от него — Японии (спустя несколько месяцев, в том же 1855 г., Уруп будет временно оккупирован силами англо-французской эскадры [Потанова, 2012. Разд. 9]). Сахалин же был объявлен «неразделённым между Россией и Японией, как было до сего времени» [Трактат..., 1855. Ст. II]. С экономической точки зрения уступка была сделана японской стороной: российские суда получили право захода в три японских порта.

Следующей вехой двусторонних отношений стало «Временное соглашение...» 1867 г. Япония в это время через острые внутренние конфликты шла к «реставрации Мейдзи». Со своей стороны, Россия активизировала освоение Приамурья и Приморья. Соглашение изменило статус Сахалина на «совместное владение» и формально фиксировало для обеих сторон право свободного освоения [Строева, 2010. С. 25]. По сути же оно обозначало начало гонки за остров в условиях баланса, основанного на обоюдной слабости военных и хозяйственных сил: «свобода действий была предоставлена обеим сторонам. Решающее значение имела теперь способность той или иной стороны к форсированию условий по созданию господствующего положения на острове» [Елизарьев, 2007. С. 107].

Обе стороны пытались направить на «совместную» территорию потоки колонистов. Относительный выигрыш здесь в конечном итоге остался за японской стороной, но и он на тот период не обеспечивал решающего перевеса. «Естественным» приложением усилий для японцев на Сахалине и Курилах оставалось рыболовство, а не оседлое сельское хозяйство в чуждых для них условиях. Россия же компенсировала недостаток вольных поселенцев направлением на Сахалин каторжан и усилением военного присутствия.

Пытаясь найти дополнительные рычаги в период после заключения «Временного соглашения», которое явно не устраивало обе стороны, японская сторона пыталась привлечь к переговорам западных посредников. Так, во время беседы с посетившим Японию в 1870 г. бывшим госсекретарём США Уильямом Сьюардом министр иностранных дел Японии предложил тому выступить в качестве посредника в территориальном споре, на что получил отказ и рекомендацию приобрести Сахалин у России по примеру сделки с Аляской. Демонстрируя быстрое овладение основами западного дискурса в ходе начавшейся модернизации, японский министр ответил, что «Япония не может купить территорию, которая, как уже доказано японскими историками, принадлежит ей же» [Строева, 2010. С. 27]. Однако подход бывшего госсекретаря, как и других западных консультантов, мог продемонстрировать японской стороне также и необходимость сочетания в «реальной политике» мастерства публичных коммуникаций, объективирующих то или иное притязание ссылками на научную обоснованность с умением считывать сложившийся баланс сил. В ответ на аналогичное утверждение о невозможности для японцев рассматривать приоб-

ретенение Сахалина по аналогии с Аляской, другой западный (британский) представитель указал, что им, «чем бороться за Сахалин, было бы лучше укрепляться на Эдзо (Хоккайдо) и отправлять туда поселенцев» [Там же. С. 28].

В течение нескольких лет после 1867 г. стороны искали различные варианты размежевания. Японская сторона не отбрасывала полностью и вариант покупки. Именно тогда, в частности, возникла идея разделения Сахалина между странами по 50° с.ш. В конечном итоге, в 1875 г. в Санкт-Петербурге был заключён трактат (договор), согласно которому императоры России и Японии, «желая положить конец многочисленным неудобствам, проистекающим от совместного владения островом Сахалином, и упрочить существующее между Ними доброе согласие, постановили заключить трактат о взаимной уступке, со стороны Его Величества Императора Всероссийского группы Курильских островов, а со стороны Его Величества Императора Японского Его прав на остров Сахалин (Крафто)» [Полное..., 1876. С. 195].

Территориальные уступки русской стороны превышали те, которые японская сторона рассматривала как приемлемые для себя на более ранних стадиях переговоров [Строева, 2010]. В целом Япония уступала права на неразделённую территорию (Сахалин), тогда как Россия — территории (северную часть Курильских островов), закреплённые за ней в предшествующем двустороннем соглашении. Такой подход, вероятно, мог отражать то, что для петербургской бюрократии ценность пушного промысла, с которым и было изначально связано освоение Курил, утратила значение, тогда как возрастающие издержки по контролю и сдерживанию проникающих на острова и в их акваторию иностранцев, в том числе и американских китобоев, представлялось разумным переложить на японцев. В этом смысле уступка Курил могла продолжать логику произведённой несколькими годами ранее уступки (продажи) Русской Америки. В дополнение к этому договор фиксировал и экономические интересы японских подданных на территории России. Это десятилетний период беспопытного захода в Корсаковский порт на Сахалине, а также статус наиболее благоприятствуемой нации «японским судам и купцам, для судоходства и торговли в портах Охотского моря и Камчатки, а также для рыбной ловли в этих водах и вдоль берегов» [Полное..., 1876. С. 196].

Трактат 1875 г. зафиксировал сложившийся баланс сил и интересов. В последующие три десятилетия Япония осуществляла ускоренную индустриализацию и модернизацию. Фокус имперской экспансии был направлен на Юго-Восточную Азию, тогда как на севере усилия сосредоточились на освоении Хоккайдо. Параллельно с этим усиливалось прямое и не прямое японское экономическое присутствие на Сахалине. Напротив, Россия так и не смогла обеспечить его освоения. Провалы в привлечении добровольных поселенцев правительство пыталось компенсировать практикой использования Сахалина как места ссылки и каторги. Её результаты были отражены в путевых очерках побывавшего там в 1890 г. А.П. Чехова «Остров Сахалин». «Не встречая конкуренции со стороны малочисленного русского населения, Япония могла развивать... промышленное рыболовство, минуя издержки прямого администрирования... Права и привилегии, полученные Японией на Сахалине, позволили ей укрепить свои позиции на острове, что облегчило его захват во время русско-японской войны» [Баженова, 2021. С. 151].

После русско-японской войны 1904–1905 гг. по Портсмутскому договору 1905 г. Россия уступала Японии часть Сахалина южнее 50° с.ш. [Мирный договор..., 1905. Ст. IX]. Оккупированная северная часть острова, таким образом, возвращалась России. Стороны соглашались не возводить на острове военные укрепления и обеспечить свободу мореплавания в проливах Лаперуза и Татарском [Там же. Ст. IX]. Кроме того, Россия обязывалась «войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом» [Там же. Ст. XI]. Южная часть Сахалина стала японским губернаторством Карафуто — вто-

рой по времени присоединения крупнейшей японской колоний после Формозы (Тайваня). Опираясь теперь на Курилы и Южный Сахалин, Япония продолжала наращивать своё экономическое проникновение на российский Дальний Восток. Вместе с тем поражение России в войне открыло японцам дорогу к полномасштабной экспансии в Юго-Восточной Азии, что выразилось, в частности, в аннексии Кореи в 1910 г.

Южный Сахалин стал для Японии «колонией–поселением миграционного типа» [Баженова, 2021. С. 148]. В отличие от других крупных колониальных приобретений, численность его населения была незначительна, что, помимо близости к территории самой Японии, открыло дорогу для масштабной переселенческой политики. По данным 1905 г. население территории насчитывало 1990 человек [Там же. С. 156]. Затем неуклонно увеличивающееся количество японских колонистов к 1930 г. достигло 298 тыс. человек, а к 1945 г. — 400 тыс. человек [Гришачев, 2019. С. 274–275; 279]. Японская администрация исходила в переселенческой политике, по существу, из физиократической идеи сельскохозяйственного освоения как приоритета в экономическом и социальном плане. Однако комплекс климатических, географических, экономических условий подталкивал к развитию других секторов экономики, прежде всего рыболовства, которое, однако, долгое время рассматривалось японской администрацией с подозрением как «кочевой» вид деятельности [Баженова, 2021. С. 154–58]. Но с ростом степени индустриализации японской экономики, а также в результате Первой мировой войны, подорвавшей глобальную структуру мировой торговли, усиливалось и значение Южного Сахалина как источника сырья. С 1920-х гг. там стали активно развиваться заготовка и обработка древесины, целлюлозно-бумажная и горнодобывающая отрасли. В 1930–1940-е гг. поставки с острова обеспечивали до 70% потребностей Японии в целлюлозе и бумаге, до 9% общей добычи угля [Гришачев, 2019. С. 158–159].

Северный Сахалин изначально, в силу своих природно-географических условий, был наименее освоенной частью острова. Однако к концу XIX в. оказалось, что в индустриализирующемся мире ценностью обладают и его ресурсы. Первые сведения о наличии запасов нефти на севере Сахалина относятся к 1879 г., а спустя 10 лет права на разработку там нефти получил предприниматель Григорий Иванович Зотов¹. Попытки промышленной разработки нефти предпринимались с конца 1890-х гг. Фёдором Клейе, немецким горным инженером, связанным до того с компанией Royal Dutch Petroleum и принявшим впоследствии русское подданство. Русско-японская война прервала инвестиционную активность. Первая нефтяная вышка «Сахалинского нефтепромышленного товарищества “Наследники Г.И. Зотова и Ко”» стала давать промышленные объёмы нефти лишь в 1910 г. В это же время интерес к нефтяным запасам Сахалина, наряду с другими иностранцами, стали проявлять и японцы.

Последующие события вновь подорвали геологоразведочную и инвестиционную активность, но в конечном итоге дали преимущество в разработке нефтяных запасов именно японской стороне. В 1918 г. японские геологи под охраной своих военных стали производить геологоразведочные работы. В январе 1919 г. японское правительство направило в Омск, где пребывало правительство А.В. Колчака, своего представителя адмирала Котаро Танака, уполномоченного, в частности, вести переговоры о получении Японией прав на разработку нефти на севере Сахалина [Дацышен, 2014. С. 193–194]². В 1920 г. Северный Сахалин был оккупирован японскими войсками. Однако новые власти России не упускали из виду и этот отдалённый регион. Летом 1920 г. американская нефтяная компания Sinclair Oil вступила в переговоры с правительством контролируемой большевиками Дальневосточной республики (ДВР) о концессии на разработку нефти на Северном Сахалине и в начале 1922 г. заключила договор о получении для организации добычи 1000 кв. вёрст территории на 36 лет

¹ См.: Календарь знаменательных и памятных дат Сахалинской области. URL: <https://calendar.libsakh.ru/event/78/?ysclid=lfpck113zg498573961> (дата обращения: 26.04.2023).

² О визите вице-адмирала Танака в Омск см. также [Стельмак, 2021. С. 173].

[Орнацкая, Ципкин, 2007. С. 8]. В отличие от многих явно авантюристичных предложений по концессиям, которые поступали большевикам, в этом случае речь шла о весьма крупной американской компании, которая просуществовала как независимая до слияния в 2022 г.³ Компания, несомненно, была осведомлена об отсутствии контроля ДВР над территорией, однако рассчитывала, вероятно, на игру в долгую. Тем более, что права Японии на Северный Сахалин не были признаны ни одной иностранной державой. В свою очередь, чтобы «застолбить» территорию в международном праве, Япония попыталась опереться на существовавшее в 1921–1922 гг. на территории Приморского и Хабаровского краёв «белое» Временное Приамурское правительство. В секретном соглашении с Японией, в обмен на финансовую и военную помощь, оно уступало ей, помимо прочего, Северный Сахалин (впрочем, и это правительство пыталось уравновесить присутствие Японии на Дальнем Востоке концессиями американцам) [Там же. С. 14]. Тем не менее реальный баланс сил вытолкнул американскую геологоразведочную экспедицию с Сахалина [Там же. С. 9], а в 1923 г. там работало 15 японских нефтяных вышек [Елизарьев, 2016а. С. 90–91].

Стабилизация обстановки в России под властью большевиков и давление на Японию со стороны других держав, опасавшихся её чрезмерного усиления, привели к новому раунду «территориального спора» между двумя странами, где на кону на сей раз стояла территориальная принадлежность Северного Сахалина. Ещё в 1921 г. курирующий международные связи ДВР наркоминдел Г.В. Чичерин запрашивал дальневосточного министра иностранных дел: «Может быть, японцы согласились бы взять как отступные Северный Сахалин за всё остальное и оставить в покое ДВР. Нельзя ли позондировать?» [Орнацкая, Ципкин, 2007. С. 11]. Однако к 1924 г. положение изменилось. Итогом сложных и длительных переговоров представителей двух стран стало заключение в январе 1925 г. в Пекине «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией» («Пекинский договор 1925 г.») [Конвенция..., 1925]. Заключённое соглашение воспроизвело уже стандартный паттерн: взаимные уступки, основанные на разделении территориальных прав и прав на хозяйственную деятельность.

В самом тексте конвенции о возвращении СССР Северного Сахалина напрямую не говорилось. Это положение было закамуфлировано более выигрышным для японской стороны признанием советской стороной Портсмутского договора, в котором и было закреплено разделение острова (тогда как все остальные соглашения, заключённые между странами до Октябрьской революции, объявлялись подлежащими пересмотру) [Конвенция..., 1925. Ст. II]. Не конкретизировались в тексте конвенции и экономические уступки. Отмечалось лишь, что советское правительство «в интересах развития экономических отношений между обеими странами и принимая во внимание нужды Японии в отношении естественных богатств, ... готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории СССР» [Там же. Ст. VI].

Территориальным и экономическим уступкам сторон были посвящены два протокола к Конвенции. В протоколе (А) японская сторона обязывалась вывести войска

³ См.: Sinclair Oil's Family History. URL: <https://www.sinclairoil.com/history/> (дата обращения: 26.04.2023). Практически одновременно с получением концессии на Северном Сахалине в самих США разгорелся громкий коррупционный скандал, связанный с внеконкурсным получением компанией прав на разработку нефти на государственных землях, который в итоге значительно подорвал репутацию администрации президента Уоррена Гардинга и привёл к тюремному заключению одного из его министров. Интересно, что как раз тогда, когда над владельцем компании Гарри Синклером сгустились тучи на родине (в конечном итоге, после долгих разбирательств, он будет приговорён к небольшому тюремному сроку в 1929 г.), американский капиталист одержал маленькую судебную победу в столице пролетарской юстиции. В марте 1925 г. в одном из московских судов «рассматривался иск гражданина США Гарри Синклера, требовавшего от Советского правительства возврата залога в 200 тысяч золотых рублей, внесённого им в 1923 г. за право вести разведку и добычу нефти на Северном Сахалине. Иск был удовлетворён» [Ремизовский, 1999. С. 14]

с Северного Сахалина. В протоколе (Б) советская сторона соглашалась «предоставить японским концернам, рекомендованным правительством Японии, концессию на эксплуатацию 50% площади каждого из нефтяных месторождений на Северном Сахалине», перечисленных в меморандуме, переданном ранее японской стороной. При этом «каждое из указанных нефтяных месторождений должно быть разделено на шахматные квадраты величиною от 15 до 40 десятин каждый, причём японцам будет предоставлено известное число таких квадратов, составляющее 50% всей площади». Особо оговаривалось, что скважины, по которым японцы уже вели к тому времени работы, подлежали отнесению в японские «квадраты» при том, что они, «как общее правило», не были бы смежными [Там же. П. 1]⁴. Также японской стороне предоставлялось право на разведку нефтяных месторождений на восточном побережье Северного Сахалина на период 5–10 лет с последующим предоставлением концессии на 50% открытых нефтяных месторождений [Там же. П. 2]. Платежи за пользование недрами устанавливались «...по нефтяным месторождениям от 5 до 15 процентов валовой добычи; имеется в виду, что в случае фонтанирования плата может быть повышена до 45 процентов валовой добычи» [Там же. П. 5]. Для обеспечения работы японцам предоставлялось право беспшлинного ввоза всех необходимых товаров [Там же. П. 7]. Помимо нефтяных разработок, протокол (Б) предусматривал также концессию на угольные месторождения западного побережья Северного Сахалина [Там же. П. 3].

Концессионные договоры в рамках Конвенции 1925 г. сроком на 45 лет были заключены в декабре того же года. С советской стороны их подписал председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский, с японской — адмирал Накасато. Стороной соглашения по нефтяной концессии выступало японское Общество северо-сахалинских нефтяных предприятий. Летом 1926 г. оно было преобразовано в Северо-Сахалинскую акционерную нефтяную компанию — «Кита Карафуто секию кабусики кайся» (ККСКК). Общество выпустило 200 тыс. именных акций по 50 йен, которые распространялись как среди японских фирм, так и граждан, с преобладанием капитала последних. Однако механизм управления ККСКК отражал не столько идеал «народного капитализма», сколько вполне сложившуюся к тому времени систему японского «частно-государственного партнерства». Председателем общества стал всё тот же адмирал Накасато, представлявший интересы японского ВМФ, его заместителем — представитель дзайбацу «Мицубиси», одного из основных японских игроков в освоении природных богатств Сахалина [Шалкус, 2008. С. 87; Елизарьев, 2016b. С. 92]. Именно японский ВМФ отвечал за логистику и выступал основным бенефициаром сделки. «Вся добываемая нефть сдавалась японскому морскому министерству, которое осуществляло контроль над предпринимательской деятельностью на Северном Сахалине» [Шалкус, 2008. С. 88]. Следует отметить, однако, что советская сторона была прекрасно осведомлена о роли японского ВМФ на Сахалине и, более того, рассматривала это как благоприятный фактор с точки зрения своего понимания внутривосточного баланса сил. Произвёл благоприятное впечатление, очевидно, и сам адмирал, заявив на заседании комиссии по заключению концессионных соглашений, что он «старый моряк и выступает сейчас на коммерческом поприще только потому, что японское правительство поручило ему ехать в Москву для “спасения японского флота”» [Елизарьев, 2016a. С. 77]. В общем же отмечалось, что «государственные интересы Японии, с одной стороны, и то обстоятельство, что морской клан Сацума⁵ и верхушка японского флота —

⁴ К этому времени японцы пробурили уже 31 скважину [Елизарьев, 2016a. С. 94]

⁵ Речь идёт о выходцах из княжества Сацума на южном японском острове Кюсю. Они играли важную роль в начале морской экспансии Японии ещё в период Токугава, когда в самом начале XVII в. вынудили королевство Рюкю на островах Окинава признать себя сюзеренами. С началом эпохи Мейдзи княжества были упразднены, но выходцы из Сацума играли важную роль в новых структурах власти, включая ВМФ. Установить, насколько правомерно советские представители относили японского представителя — им, вероятно, был вице-адмирал Сигэдзи (в отечественных источниках — Сигецуру) Накасато (1871–1946), родившийся на севере острова Хонсю, — к этому клану, не представляется возможным, но, очевидно, этот клан ассоциировался для них с руководством японского ВМФ в целом.

сторонники продвижения Японии на Гавайи и южные моря, и противники дальневосточной интервенции — определяют достаточную благожелательность и уступчивость Накасато при переговорах» [Там же].

В целом на 1927 г. на Дальнем Востоке функционировали 2 британские и 11 японских концессий, занимающихся разработкой полезных ископаемых (нефти и угля, золота, серебро-цинковых и свинцовых руд и др.), лесозаготовками, рыбной ловлей (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока — далее РГИА ДВ. Ф. р-4536, оп. 1, д. 17, л. 3–4). Таким образом, попытка использовать концессии как инструмент соперничества капиталистов разных стран в общем не удалась ни количественно, ни качественно. Представители США — основного соперника Японии в азиатско-тихоокеанском регионе — среди концессионеров отсутствовали.

Японское предприятие в советской системе

Возникновение и исходные условия работы японского предприятия ККСКК (и японских сырьевых концессий на Сахалине в целом) освещены в литературе достаточно подробно и непротиворечиво. Однако изложение истории ККСКК в последующие почти два десятилетия рассыпается на ряд различных сюжетов, которые, комбинируясь в той или иной степени в большинстве современных источников, раскрывают скорее сложившееся состояние историко-экономических исследований, чем собственно историю японской нефтяной концессии.

Если попытаться выделить некое консенсусное суждение, то оно может быть сформулировано следующим образом: функционирование ККСКК было проблематичным практически с первых шагов разработки нефтяных месторождений в рамках концессионного соглашения. Однако последующая детализация этих проблем представляется весьма затруднительной и противоречивой.

Пожалуй, самой распространённой проблемой, которая так или иначе отмечается во многих источниках, выступает внимание к работе ККСКК различных контролирующих инстанций с советской стороны. Указание на эту проблему характерно для постсоветской литературы по истории концессий в целом.

Действительно, основная масса отмечаемых в литературе проверок и конфликтов связана с условиями труда работников и его оплатой. И это не является ретроспективным искажением, поскольку отражает положение, зафиксированное в архивных данных. Так, за 1927 г. было рассмотрено 173 конфликтных вопроса между рабочими и концессионером (из них в пользу рабочих было решено 140, или 81%), за 1928 г. — 264 вопроса (из них в пользу рабочих было решено 201, или 76%). Основной причиной трудовых споров была заработная плата, второе место занимали увольнения, на третьем — споры о разрядах рабочего состава (РГИА ДВ, Ф. р-4536, оп. 1., д. 10, л. 60). Подобное смещение в пользу рабочих можно было бы считать проявлением идеологической, «избыточно социальной» природы советского строя, искажающей работу «нормальных» предприятий. Вместе с тем условия работы были далеки от идеальных.

Материалы проверки ККСКК, проведённой в марте 1927 г., в полной мере характеризуют «мелочность» советского контроля⁶. Предписания проверяющей стороны простирались от оштукатуривания столовой и необходимости замены деревянных шпек в бане

⁶ По меткому замечанию исследователя, «оказалось, что советский горный контроль — не только горный, а скорее — тотальный» [Ремизовский, 2000. С. 15]. В свою очередь, первый председатель ККСКК адмирал Накасато на каком-то этапе заявлял по поводу деятельности советского инспектора по охране труда: «... если такие факты в дальнейшем будут иметь место, то могут серьёзно обостриться взаимоотношения между обоими государствами» [Булатов, 2008. С. 126].

на оцинкованные тазы до устройства уборной, исходя из нормы одного отхожего места на 25 человек (РГИА ДВ, Ф. р-4293, оп.1., д. 3, л. 10–13). Особые вопросы вызвала организация и безопасность труда: «оградить железными кожухами зубчатые передачи у токарных станков», «укрепление трансмиссионных валов переделать, устранив дрожание валов, лишив возможности их падения. Обслуживание последних поручить одному опытному человеку...» и т.д. (там же). Внимание к безопасности труда нашло место и в отчётах. Согласно одному из них, если в 1927 г. всего произошло 19 несчастных случаев (из них 4 тяжёлых и 15 лёгких), то в 1928 г. несчастных случаев было уже 46 (из них 23 — это ушибы, 17 — лёгкие ранения, 2 — тяжёлые, переломы суставов — 1, растяжение связок — 2 и ожоги — 1) (РГИА ДВ, Ф. р-4536, оп. 1., д. 10, л. 56).

Действия контрольных органов, с одной стороны, и местных профсоюзов — с другой, вызывали ответные реакции концессионера. Так, в 1927 г. ЦК союза горнорабочих рассматривал ход переговоров дальневосточного профсоюза с японскими угольной и нефтяной концессиями об увеличении зарплаты на 7% и рекомендовал заключение коллективного договора с оказавшейся неуступчивой угольной концессией в случае, если удастся добиться повышения на 5%. В свою очередь, в следующем 1928 г. нефтяная концессия предложила перезаключить коллективный договор на худших для работников условиях, что также рассматривалось в ЦК союза горнорабочих [Юдина, 2008. С. 40–42].

Проблемы организации труда перешли и в следующее десятилетие, но уже в новых внутри- и внешнеполитических⁷ условиях. В 1930-е гг. отношение советских контрольных органов заметно ужесточается. Например, на угольной японской концессии на Сахалине «за несчастные случаи на производстве, происходившие с рабочими, японский инженерный состав предприятия привлекли к уголовной ответственности и тюремному заключению. Такие меры в отношении японских специалистов способствовали досрочному завершению контрактов и массовому отъезду из СССР на родину не только других инженеров, но и квалифицированных японских рабочих» [Юдина, 2019. С. 105]. Директор японской угольной концессии в сентябре 1937 г. в письме руководителю одного из советских надзорных органов информировал о неизбежности сокращения производства из-за того, что «почти все увольняются и уезжают» [Там же. С. 105]. На этом, казалось бы, в истории японских концессий можно было бы поставить крест. Но вот в 1939 г. в одной из местных сибирских газет появляется сообщение о том, что «11 августа в Москве подписан коллективный договор между союзом рабочих нефтепромыслов и японским акционерным обществом северо-сахалинской нефти. Переговоры начались 4 ноября 1938 г.» Там же сообщалось: «Народный Комиссариат топливной промышленности, идя навстречу японской стороне, разрешил нефтяному концессионеру завести дополнительно 300 японских рабочих на нефтепромыслы... Наркомтоп разрешил и угольному комиссионеру завести дополнительно 150 японских рабочих» [Дацышен, Ипеева, 2019. С. 117–118]. Более того, в центральной газете «Известия» в июле 1939 г. (в разгар локальной войны между СССР и Японией на Халхин-Голе) появилась заметка, в которой стремление к свёртыванию деятельности концессий на севере Сахалина приписывалось японской стороне: «Начиная с осени 1937 г. угольный концессионер приступил к свёртыванию деятельности концессий. Одновременно с этим администрация концессии стала на путь систематического ухудшения экономического положения рабочих, с целью принудить их к уходу с концессии по собственному желанию...» [Там же. С. 118].

Даже из весьма беглого описания развёртывания лишь одного из сюжетов в истории японских концессий на Сахалине видно, что он не укладывается в какой-либо большой

⁷ В 1932 г. японцы завершили оккупацию Маньчжурии, создав марионеточное государство Маньчжоу-Го. С этого времени начинается обострение пограничных конфликтов между японскими и советскими войсками, достигшее кульминации в боях на Хасане (июль–август 1938) и Халхин-Голе (май–сентябрь 1939).

«нарратив» — подавления экономики идеологией, свёртывания НЭПа, развёртывания тоталитарной системы и пр. Отсутствует в нём и чётко выраженная линейность. Авторы одного из исследований утверждают, что с начала 1930-х гг. «процесс ухудшения советско-японских отношений принял необратимый характер» [Там же. С. 114]. Интуитивно это утверждение понятно и кажется не требующим обоснования. Но факты, излагаемые в этой же статье, заставляют задуматься, как минимум, над тем, что можно установить в качестве исходного «хорошего» уровня.

И этот же сюжет — работа капиталистического предприятия в условиях советского контроля над организацией и условиями труда — высвечивает ещё одно измерение проблемы. Уже при первом ознакомлении с массивом источников в глаза бросается то, что в ряде исследований либо упоминается лишь мимоходом, возможно, как некоторый курьёз, либо не затрагивается вовсе. Поражает не столько «тотальность» советского контроля. Как раз это и не удивительно даже при самом поверхностном знакомстве с общими принципами работы советской экономической системы. Поражает то, что мельчайшие детали отчётов внимательно рассматривались и нередко вызывали быстрый и живейший отклик в Москве — и не только в центральных органах советских профсоюзов, но и в высшем политическом руководстве страны. В 1920-е гг., в период разработки и заключения концессионных договоров, шедших в связке с заключением, по сути, мирного договора между двумя странами, внимание к деталям было ещё вполне объяснимо. Но практика «ручного управления» перекинулась и в 1930-е гг., когда, казалось бы, в Кремле было не до бесконечных тяжб и препирательств концессионеров с местными органами власти в удалённом регионе.

Так, в марте 1932 г. Политбюро приняло специальное постановление «О Сахалине», где, в частности, отмечалось, что местные представители власти «ведут себя вызывающе в отношении японских концессионеров и вообще японцев». Предписывалось: «Не создавать поводов для конфликтов... Не раздувать дело с вопросами об охране труда, строго наказывать провинившихся в нарушении директив советской власти и договоров с японцами» [Хромов, 2006. Ч. 1. С. 84]. Но уже в следующем году, в условиях усиливающихся советско-японских трений, маятник качнулся в другую сторону, и в мае 1933 г. Совнарком принял постановление «Об усилении надзора за японскими концессиями на Сахалине» [Там же. С. 85]. «Ухудшение» продолжалось вплоть до 1936 г., когда неожиданно наступило потепление, и Политбюро дало инструкции в переговорах с адмиралом Сакондзи «согласиться с продлением предельного срока разведочных работ на японской концессии на Сахалине до декабря 1941 г.» [Там же. С. 85–86]⁸. А в апреле 1938 г., совсем незадолго до начала боёв у озера Хасан, И.В. Сталин направил директиву первому секретарю Сахалинского обкома, в которой указывалось, что «по достоверным сведениям, прокурорские власти Сахалина практикуют всякие провокационные придирки в отношении японцев...» Для ликвидации этой практики предписывалось принять «срочные меры» [Там же. С. 86–87].

Интересно приведённое Сталиным обоснование очередного разворота в сторону «послаблений»: «...незаконные и провокационные меры дают повод внешнему миру обвинять СССР в желании ликвидировать концессии, отменить односторонним актом договор с Японией и тем довести дело до военного конфликта. ЦК ВКП(б) разъясняет, что подобная провокационная практика идёт вразрез с политикой партии и играет на руку милитаристским элементам Японии» [Там же]. Помимо желания не обострять отношения в условиях роста международных противоречий, здесь можно увидеть и стремление сыграть на противоречиях внутри японской элиты — усилить позиции того самого «морского клана

⁸ Вице-адмирал Сэйдзо Сакондзи (1879–1969) был участником русско-японской и Первой мировой войн, а в 1935–1941 гг. занимал пост председателя ККСКК, после чего входил в состав нескольких военных кабинетов министров. Примечательно, что, в отличие от многих своих коллег по правительству, он не был привлечён к ответственности как военный преступник после 1945 г.

Сацума», к которому, правомерно или нет, советское руководство относило верхушку японского ВМФ, продемонстрировав договороспособность советской стороны в отношениях с ними. Как бы то ни было, японские концессии совершенно чётко выступают здесь элементом большой «геополитической» игры как в отношениях с Японией, так и на международной арене в целом⁹.

Советское правительство демонстрировало готовность идти (или не идти) на уступки, не только допуская наличие чужеродного элемента — иностранных капиталистических предприятий — на своей территории, но и варьируя степень контроля над этими предприятиями на местах. По существу, деятельность японских концессий внутри страны становилась одним из способов коммуникаций с внешним миром — говоря современным языком, пиара. Но игры в пиар не отменяли самого исходного факта чужеродности концессий.

Источники фиксируют немало фактов дружелюбных и взаимовыгодных контактов — нормальных человеческих отношений — между представителями двух стран, живущих и работающих бок о бок на Сахалине. Но также неизбежны были и конфликты, в которых бытовые склоки и правонарушения умножались на инаковость психологического, экономического, правового характера. Повседневная напряжённость закономерно усиливалась по мере роста напряжённости в отношениях между странами в 1930-е гг. Результаты этого тут же улавливались, обобщались и передавались далее по инстанции местными представителями госбезопасности. И здесь начинала работать логика той репрессивной системы, которая вполне сложилась к 1930-м гг. Улавливая сигналы о «перегибах на местах», которые рассматривались на текущем этапе как политически вредные, высшее руководство в реальности реагировало на результаты собственных предшествующих сигналов в сторону усиления контроля. Политические указания по смягчению контроля над концессиями, подаваемые по линии партийной вертикали, не только противоречили предыдущим сигналам сверху, но и консервировали тот самый источник, который, создавая напряжённость на бытовом уровне, усиливал далее сигналы о росте неблагонадёжности на местах, улавливаемые по линии вертикали госбезопасности¹⁰.

Напомним, что концессии изначально рассматривались не просто как уступка, но как потенциально опасный допуск врага на собственную территорию. Это несомненно предполагало их изначальную «транспарентность» для той структуры, которая носила своё, пожалуй, самое адекватное (и наименее известное) название с середины 1920-х по середину 1930-х гг.: Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ). В случае японских концессий, контроль советских органов обеспечивал учёт материальных ресурсов, но культурные и языковые барьеры делали находящееся на советской территории сообщество японцев практически неподверженным инфильтрации и идеологическому воздействию. Со своей стороны, опираясь на близость собственной уже активно осваиваемой территории Южного Сахалина, самой Японии, японская сторона продолжала реали-

⁹ В октябре 1933 г. в числе сформулированных Сталиным и утверждённых Политбюро указаний отправляющемуся в Вашингтон на переговоры с целью установлению дипотношений М.М. Литвинову значилось: «Если Рузвельт будет в разговоре добиваться некоторого сближения с нами или даже временного соглашения против Японии, то т. Литвинов должен отнестись к этому благожелательно» [Хромов, 2006. Ч. 1. С. 85]. Примерно с этого времени начинается и ужесточение в деятельности надзорных органов по отношению к японским концессионерам.

¹⁰ Одним из многих, кто не смог вписаться в эту «диалектику», стал адресат цитированной выше директивы Сталина, первый секретарь Сахалинского обкома Фёдор Власович Беспалько. В марте 1938 г. он был переброшен на Сахалин с низовой партийной должности в одном из совхозов Московской области, а уже летом того же года исключён из партии и арестован. Впрочем, в его случае обычная для тех лет канва была нарушена. Он был освобождён с восстановлением в партии и до 1940 г. занимал хозяйственные должности в Хабаровском крае, после чего его следы теряются.

зацию давней, восходящей ещё к началу проникновения на Сахалин, стратегии по росту своего влияния посредством «мягкой силы».

Обеспеченность трудовыми ресурсами осваиваемых территорий и последующее обеспечение трудовых ресурсов средствами существования было самым слабым звеном с первых шагов российского государства на Дальнем Востоке. Отечественная вертикаль власти при любых политических режимах воспроизводит неспособность к организации ритмичных и рутинных процессов. Каждая тысяча километров к востоку от заселённой и освоенной европейской части страны умножала эту самовоспроизводящуюся способность к дезорганизации на всё повышающийся коэффициент логистических трудностей. Ещё более умножало проблемы с логистикой само островное положение Сахалина, но основная проблема заключалась в том, что ближайшие регионы на материке также оставались неосвоенными. Дальний Восток представлял собой по преимуществу острова (реже архипелаги) поселений в безбрежном океане тайги, которые сами в значительной степени зависели от регулярного подвоза ресурсов. На стороне японцев была не только известная способность к организованным действиям, но и близость ресурсной базы (включая и активно осваиваемый ими Южный Сахалин).

В начале 1939 г. комиссия Наркомвнешторга «без согласия концессионера» произвела проверку его 129 складов. Были обнаружены запрещённые к ввозу берданки, порох и подозрительная труба [Ремизовский, 1999. С. 44–45]. Этот факт освещался в том числе и в советской прессе. Но самым тревожным сигналом было не наличие нескольких винтовок, а выявленный 6–7-месячный запас разрешённых к ввозу товаров и материалов на складах. Ресурсы советских добывающих предприятий не могли сравниться с этим. Например, осенью 1936 г. на рейде «затонул пароход с продуктами питания и товарами ширпотреба на зиму 1936/1937 гг. Зима в Охе была голодной и цинготной — курили противочинготные папиросы, пили отвар из веток стланника» [Там же. С. 38].

Советская Россия, как и несколькими десятилетиями ранее царская, проигрывала Японской империи гонку по экономическому освоению острова. Судя по вполне объективным данным советских отчётов, условия работы на концессионных предприятиях были далеки от нормальных. Но японские концессионеры выигрывали в снабжении. На бытовом уровне это могло находить, например, такое выражение, как в «зафиксированных» словах одного рабочего, ранее (в 1936–1937 гг.) работавшего на нефтяной концессии: «Рабочие на японских концессиях живут лучше, чем мы живём здесь. Там много качественных вещей, разных продуктов и хорошие заработки» [Исаев, 2009. С. 79–80]. На языке цифр (относящихся, правда, к 1928 г.) заработная плата рабочих на конкурирующем и соседствующем с ККСКК в пос. Оха советским трестом «Сахалиннефть» «была почти в 2 раза выше, чем на концессии, но цены в лавках концессионера были заметно ниже, и потому реальный доход трестовского рабочего был ниже» [Ремизовский, 2000. С. 21]. На языке органов госбезопасности, проблема обобщалась следующим образом: «...Засорённость шпионами и социально-чуждым элементом, связанным с японской разведкой, особенно можно наблюдать на Сахалине, имеющем сухопутную границу с Японией» [Исаев, 2009. С. 80].

Сплошная паспортизация населения в начале 1930-х гг. дала мощнейший инструмент «учёта и контроля». Всем советским работникам концессии выдавались однодичные паспорта, где в графе «социальное положение» было проставлено «концессия» [Ремизовский, 2000. С. 22]. «Все справки о месте жительства хранились в особой картотеке, а списки жильцов передавались в Охинское управление ОГПУ. Было выявлено 423 «контрреволюционных и паразитических элемента», проникших на Северный Сахалин в 1929–1933 гг. — их решено было выселить с острова весной 1934 г. с началом навигации» [Там же. С. 22–23]. Вскоре работа машины «учёта и контроля» приобрела подлинно зловещий характер. В 1938 г. «все организаторы нефтедобывающей промышленности [на Северном Сахалине] были выявлены по стране и расстреляны». На самом Сахалине было репресси-

ровано 315 человек различных специальностей, преимущественно тех, кто работал на концессии. «Практически все» были приговорены к расстрелу. «Расстреляно также 5 уборщиц с концессии и 12 домохозяек» [Ремизовский, 1999. С. 44].

Отставая в борьбе за влияние с Японией на Дальнем Востоке по параметру «мягкой силы», Советское государство не останавливалось ни перед чем, обрушивая на своих граждан железную длань силы не просто жёсткой, но жестокой.

Проблема оценки экономической эффективности

Ещё одним сюжетом, не нашедшим однозначной оценки в литературе, является оценка эффективности концессионных предприятий. Одной из «интуиций», характерных для обращения к опыту концессий перестроечного периода, была в той или иной степени выраженная убеждённость в экономической эффективности концессий (при этом без явной дифференциации вопросов эффективности отдельных концессионных предприятий и отдачи от их деятельности для экономики в целом). Из этого непротиворечиво вытекало, что свёртывание концессионной практики было результатом политических решений (по свёртыванию, в свою очередь, НЭПа). Однако общей картины экономических результатов функционирования концессионных предприятий не складывается, и различные аспекты этого вопроса нередко затрагиваются в литературе лишь мимоходом, на основе отрывочных сведений, либо не затрагиваются вовсе.

Можно утверждать в ретроспективе, что основной экономический результат создания японской нефтяной концессии для советской стороны состоял в том, что она стала стимулом для формирования собственной нефтедобычи на Сахалине в конкуренции с ККСКК. Это соперничество изначально привело советскую сторону к рассмотрению добываемой нефти не только с точки зрения привычных для плановой системы материальных показателей, но и рыночных цен. Характерно, что мерой стоимости с самого начала стал выступать американский доллар. В содержании договора на нефтяную концессию оговаривалось, что японская сторона будет вносить платежи за пользование недрами «долларами САСШ по золотому паритету в отделение Государственного банка СССР во Владивостоке» [Хромов, 2006. Ч. 2. С. 255]. При этом для оценки добытой нефти в денежном эквиваленте предполагалось брать средние цены за три месяца, предшествующие окончанию операционного года, публикуемые в «американском нефтяном журнале», причём для тяжёлой нефти брались цены на нефть, добываемую в Калифорнии, для лёгкой — в Мексиканском заливе [Там же]. В директиве, направленной из Дальконцесскома в Хабаровске в Специальную комиссию по наблюдению за концессиями на Северном Сахалине в Александровск-Сахалинский в октябре 1928 г., предписывалось: «Отсутствие проверенных сведений об удельном весе нефти создаёт затруднительное положение при составлении расчётов, так как от удельного веса зависит цена нефти, а следовательно и величина долевого отчисления, поэтому просим вас урегулировать вопрос о своевременном получении проверенных данных об удельном весе нефти по каждой скважине, возложив эту работу непосредственно на инженера Попова, наблюдающего за нефтяной концессией. При встрече с инженером Поповым во время его проезда через Хабаровск на Сахалин мы указываем ему на это и на необходимость надлежащего учёта добычи вообще. До сих же пор приходится пользоваться сведениями концессионера. Для определения цен на нефть вам необходимо выписывать специальный нефтяной журнал “Националь петролеум ньюс”...» (РГИА ДВ, Ф. р-4536, оп. 1, д. 11, л. 45). Так пульсация мирового рынка соединялась с рутинизацией контроля на местах.

За 1926/27 операционный год концессионер выплатил правительству СССР 47 159,68 долларов США. В 1928/29 — 72 316,49 долл. США, из них 48 902,67 — доленое отчисление, 23 169,31 — паушальный налог, 244,51 — гербовый сбор. Это были незначи-

тельные поступления в масштабах всей страны. В то же время использование для расчётов советских червонцев создавало для работавших в СССР иностранных концессий возможность арбитража при покупке за границей червонцев по рыночному (более низкому, чем официальный) курсу с последующим ввозом в СССР и обменом по официальному курсу. В такой деятельности, наряду с другими концессиями, была замечена и ККСКК [Булатов, Гоманенко, 2016. С. 40]. Это, в сочетании с вывозом за рубеж прибылей концессий, составляло уже заметную проблему для валютного баланса СССР, что, в свою очередь, можно рассматривать значимым экономическим фактором, повлиявшим на свёртывание концессионной практики [Там же. С. 40]. Однако политического решения по закрытию ККСКК и других сырьевых японских концессий не последовало.

Вместе с тем при оценивании экономических результатов концессий важно учитывать, что политические решения предшествовали не только их закрытию, но и открытию. Японские концессии на Сахалине появились в результате пакетного соглашения по урегулированию межгосударственных отношений. Их функционирование для японской стороны было изначально подчинено не столько мотиву извлечения прибыли как таковому, сколько решению задач по обеспечению топливной базы для ВМФ Японии и упрочению экономического присутствия на Северном Сахалине. Участники и наблюдатели процесса с советской стороны исходили именно из этого. В докладе Дальконцесскома 1928 г. говорилось: «Нефтяная концессия, являясь по своей природе концессией политического порядка, т.к. экономически она ни с какой стороны для нас не выгодна, требует к себе и соответствующего политического внимания» [Ремизовский, 2000. С. 37]. Это практически дословно повторяло слова первого руководителя треста «Сахалиннефть» Вацлава Александровича Миллера, «нефтяная концессия на Сахалине имеет не столько экономические, сколько политические цели» [Там же. С. 21].

В соответствии с этим действия советской стороны изначально строились на стремлении купировать эффекты от сделанных в 1925 г. экономических уступок. Достижению этого должен был способствовать уже сам механизм реализации уступки — шахматный порядок выделения нефтяных участков. Пока не представляется возможным указать источник и время возникновения этой идеи. Но уже в начале 1923 г. она фигурировала в записке Якова Давидовича Янсона (большевистского дипломата и последнего министра иностранных дел ДВР) [Хромов, 2006. Ч. 2. С. 237]. Очевидно, это соответствовало задаче «сохранить за собой экономические возможности в будущем», при том что полное закрытие для иностранного капитала «задержало бы развитие края. Оно невозможно и в силу всякой политической и военной слабости на Дальнем Востоке. (Царское правительство также было принуждено сделать японцам уступки — рыболовная конвенция, Южный Сахалин)» [Там же].

Представляется, что смысл шахматного порядка мог состоять в скорейшей ликвидации разрыва в геологических сведениях, ведь японская сторона к 1925 г. имела фору в проведении геологоразведки примерно в 7–8 лет. Подтверждение этому можно найти, например, в словах того же В.А. Миллера: «...в отношении площадей под эксплуатацию мы в равных условиях, а в отношении разведочных территорий вплоть до 1937 г. находимся... в полной зависимости от японской разведки» [Ремизовский, 2000. С. 13]. Возможно, в данном случае речь шла об оценочном суждении. Но несомненно то, что заложенный шахматный порядок сдерживал экспансию японской нефтедобычи. На уже разрабатываемых полях шахматный порядок стимулировал бурение на границах участков. Советские нефтяники могли «присоседиваться» к уже разрабатываемым японским клеткам, японские же нефтяники также стремились прежде всего выбирать нефть на границах своих участков. Такая практика создавала почву для взаимных подозрений в «подсосе», стремлении выкачать нефть с соседнего квадрата [Елизарьев, 2016. С. 100; Булатов, 2008. С. 126].

Вероятно, нежелание фактически работать при геологоразведке и на советскую добычу сказалось и на том, что японцы фактически так и не приступили к полномасштаб-

ной разведке тех новых территорий, которые были предоставлены им для этого в рамках концессионного договора [Ремизовский, 2000, 36–37]. Но это же отражалось и в структуре инвестиций на старой территории. По данным, осевшим в советских архивах и основанных на японских источниках, «Япония вложила в эксплуатационное бурение за 1926–1930 гг. 7,9 млн иен, почти столько же, сколько за последующие 1931–1939 гг. (8,8 млн иен). Особенно много инвестиций было в 1926 г. — 3,2 млн иен. В сравнении с этим количество средств, выделяемых на разведочные работы, являлось незначительным...». Всего же за период 1926–1930 гг. в разведочное бурение было вложено чуть менее 2 млн иен [Елизарьев, 2016. С. 99]. С точки зрения структуры вложений «основные капиталы шли в первую очередь на приобретение и завоз запасного оборудования и материалов, создавая необходимые условия для устойчивой работы в период после завершения навигации, а после — на строительство нефтехранилищ и нефтепроводов» [Там же. С. 99].

Можно предположить, что во второй половине 1920-х гг. японская сторона предполагала, что проблема шахматности будет снята в результате нехватки ресурсов у контрагента, и советские участки могут быть взяты ею в аренду. Но уже практически сразу после возвращения контроля над Северным Сахалином, с лета 1925 г., на Сахалин стали регулярно направляться геологоразведочные экспедиции под эгидой ВСНХ. Началось развитие рабочего посёлка (с 1938 г. — города) Оха. В 1927 г. был создан трест «Сахалиннефть», который с осени 1928 г. стал обеспечивать промышленную добычу нефти. Это также первоначально могло рассматриваться японцами исходя из той же точки зрения отсутствия у советской стороны достаточных для освоения ресурсов. Примерно в 1928 г., через торгпредство СССР в Токио от адмирала Накасато поступило предложение о создании совместного предприятия, в которое инвестиции обеспечивала бы японская сторона, а нефть с советских участков поступала бы в Японию [Булатов, 2008. С. 126]. Следует отметить, что схожие идеи — трестирования нефтедобычи на Сахалине с японцами — циркулировали и на советской стороне, находя, очевидно, отклик у части советского руководства. Но к началу 1930-х гг. стало очевидно, что этого не произойдет. Несмотря на все трудности, добыча нефти на советском предприятии неуклонно росла, и к 1932 г. добыча на японском (184 тыс. т) и советском (188 тыс. т) предприятиях сравнялись [Ремизовский, 1999. С. 27]. В 1934 г. на «Сахалиннефти» добыли 241 тыс. т, на ККСКК — 171 тыс. т [Там же. С. 32]. С этого времени советская добыча неуклонно возрастала, а японская снижалась: к 1942 г. показатели достигли 540 тыс. и 17 тыс. т, соответственно [Ремизовский, 2000. С. 32; 2005. С. 114].

Изначально советские наблюдатели улавливали в японском подходе стратегию, которую можно обобщить так: «В Токио рассматривали Северный Сахалин как источник, способный давать крупные объёмы нефти не в данный, а в нужный момент, то есть как резервуар, необходимый на случай перебоев с поставками топлива из других регионов» [Булатов, 2008. С. 126]. В неожиданно начавшейся на границах участков конкуренции с советским трестом, японцы стали выбирать запасы, выявленные и подготовленные к разработке преимущественно в 1920-е гг. Последующее снижение добычи ККСКК закономерно отражало форсирование добычи при снижении инвестиций в разведку. Однако структура японских инвестиций, в которой значительное место занимали вложения в инфраструктуру по хранению и доставке нефти, продолжала приносить отдачу в виде поставок советской нефти и при снижении собственной добычи.

Так, в 1927 и 1928 гг. японцы проложили два подводных нефтепровода «для непосредственной закачки нефти в танки стоящих на рейде Охи судов», что давало возможность перекачки до 6 тыс. т нефти в сутки. Также к 1928 г. концессионер имел железные резервуары, обеспечивающие хранение до 122 тыс. т нефти [Ремизовский, 2000. С. 32–33]. Напротив, «в результате переноса сроков ввода в эксплуатацию хранилищ и нефтепроводов нефть, добываемую в советском тресте, некуда было девать из-за заполненности

имеющихся ёмкостей» [Елизарьев, 2016. С. 103]. Однако в этом случае речь шла не только об организационных и технических проблемах. Согласно весьма общим данным, воспроизводимым в ряде источников, добываемая советским трестом нефть сбывалась преимущественно японцам и уходила в Японию, как минимум, до середины 1930-х гг. Япония выступала ближайшим ёмким рынком сбыта нефти и других сахалинских ресурсов, в то время как не только советская часть острова, но и близлежащие территории материкового советского Дальнего Востока не нуждались, очевидно, в таких объёмах поставок.

Лишь в 1942 г., в условиях военного времени, советские рабочие совершили один из многих забытых ныне подвигов, обеспечив в кратчайшее время прокладку частично пролегающего на дне моря нефтепровода протяжённостью свыше 300 км в Хабаровский край [Ремизовский, 2005. С. 109]. Вероятно, именно тогда сахалинская нефть стала рассматриваться в Москве не только как элемент соревнования с Японией, но и как ресурс, имеющий народнохозяйственное значение. В воспоминаниях Н. К. Байбакова отношения с ККСКК описаны так: «До Великой Отечественной войны... эксплуатировались лишь три месторождения: Оха, Эхаби и Катангли, разделённые на участки между трестом «Сахалиннефть» и японским концессионером. Это исключало сколь-нибудь рациональную систему разработки — эксплуатационные скважины закладывались на границах участков. Но во время Великой Отечественной войны сахалинская нефть приобрела большое значение. Концессионный договор был расторгнут» [Байбаков, 1984. С. 21].

1 апреля 1944 г. «Правда» сообщала: «Логика вещей сильнее всякой иной логики, учит тов. Сталин. Победа этой логики создала благоприятную обстановку для возобновления советско-японских переговоров по вопросу о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине» (цит. по: [Ремизовский, 2000. С. 40]). 30 марта 1944 г. в Москве был подписан «Протокол относительно передачи японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине». Концессионные предприятия уступались советской стороне, которая в свою очередь выплачивала 5 млн руб. (950 тыс. долларов США) в качестве компенсации за досрочное прекращение договора и обязывалась обеспечить ежегодные поставки нефти в 50 тыс. т на протяжении 5 лет «после окончания настоящей войны» [Плотников, 2020. С. 102]. Пройдет ещё немногим более года, и южная часть Сахалина с Курильскими островами вновь станут частью России.

Заключение

Допуск японской нефтяной концессии, как и других японских сырьевых концессий, в СССР стал экономической уступкой, сделанной в 1925 г. советской стороной в ходе переговоров о выводе японских войск с северной части Сахалина. С середины XIX в. вопросы принадлежности Сахалина и Курил находились в центре отношений между двумя государствами. Баланс сил, последовательно фиксируемый рядом межгосударственных соглашений, основывался на относительной слабости позиций обоих государств на этих территориях, неукоренённости там их населения. Однако к концу XIX в. серия экономических и территориальных уступок, сделанных Россией, соединившись с ростом мощи Японии, привела к подрыву этого баланса: Япония выигрывала экономическую гонку на Сахалине, что отражало усиление её позиций и на российском Дальнем Востоке в целом. Результатом этого стала неудачная попытка Российской империи противопоставить экономической мощи военную и потеря юга Сахалина по Портсмутскому миру. Немногим более 10 лет спустя, крах Российской империи привёл к японской оккупации значительных территорий на Дальнем Востоке, включая и север Сахалина. Восстановление в 1925 г. границ 20-летней давности вновь вернуло стороны к экономической гонке за ресурсы — гонке, в которой японская сторона стала обладать ещё большими преимуществами, чем перед

1904 г. На этот раз, однако, новая власть была полна решимости не повторять проигрыш старой. Советское руководство использовало жёсткость в контроле за концессионером, жестокость по отношению к собственным гражданам, методы планового управления экономикой. К концу 1930-х гг. японцы обладали нефтяным предприятием на советской территории. Оно не давало существенной добычи, но обеспечивало резерв, который можно было бы использовать при определённых условиях, а кроме того, могло бы стать рычагом для усиления влияния на территории при благоприятной (для Японии) ситуации внутри СССР и на внешней арене. В свою очередь, советская сторона в гонке за нефть Сахалина создала предприятие, которое превзошло японское по объёмам добычи, но было слабо интегрировано в народное хозяйство страны, работая в первые годы преимущественно на японский рынок.

Действительную роль нефти Сахалина для экономик как Японии, так и СССР того периода не стоит переоценивать. Здесь следует заметить, что именно это и происходит в ряде современных отечественных работ, основывающихся на разрозненных и разнородных данных о добыче и потреблении нефти в Японии и почерпнутых из советских источников 1920–1930-х гг. Эти данные не позволяют составить общую картину и выделить тренды, но, главное, затрудняют рассмотрение вопроса в более широкой международной перспективе. В гораздо большей степени, чем от СССР, Япония зависела в доступе к нефти и другим стратегическим ресурсам от США, а также от европейских держав с колониями в Южной и Юго-Восточной Азии.

Первоначальные проекты советской концессионной политики на Дальнем Востоке предполагали использование концессий как инструмент столкновения интересов Японии с другими капиталистическими странами — прежде всего с США. Этого не произошло. Но в 1930-е гг. отношения между Японией и США неуклонно обострялись во всём азиатско-тихоокеанском регионе. Япония решила вступить в игру за глобальное переустройство мира, а не просто за региональное лидерство. На основе достигнутых успехов в колониальных захватах был взят курс на создание «Великой восточноазиатской сферы процветания». Символично, что отправной точкой для нанесения решающего удара, запланированного для её построения — атаки на Пёрл-Харбор, стал один из островов Курильской гряды, Итуруп, от которого в конце ноября 1941 г. японская военная эскадра убыла курсом на Гавайи.

Экономический смысл существования нефтяной концессии на Сахалине рассматривался обеими сторонами сквозь призму их долгосрочных политических интересов. Напротив, сложившийся в период перестройки «нэпоцентричный» канон истории первых десятилетий советской власти (непротиворечиво вытекающий из утвердившегося в хрущёвско-брежневский период официального противопоставления «искажений» и «ленинских принципов») предписывал рассмотрение концессий (равно как и других элементов НЭПа) как островков экономической «нормальности» и эффективности, которые были поглощены в конечном итоге враждебной политической стихией, но которые могли бы потенциально трансформировать советскую систему в направлении перестроечных идеалов «смешанной экономики», «демократического рыночного социализма» и т.п. Во второй половине 1980-х гг. такой подход являлся отражением глубокой убеждённости в том, что исправление политических «искажений» с неизбежностью повлечёт за собой и улучшение экономического существа советской модели. Третью веку спустя можно утверждать, что его уместнее рассматривать как гипотезу, которая не вполне подтверждается имеющимися историческими данными. В частности, японскую нефтяную концессию можно рассматривать порождением НЭПа, только предположив, что сам НЭП в значительной степени стал результатом развития идеи экономических уступок, возникших уже в первые месяцы советской власти. Но и это предположение, взятое изолированно, являлось бы в данном случае слишком сильным, как минимум, для дальневосточных концессий. Их создание

в 1920-е гг. следовало паттерну взаимоотношений с Японией, сложившемуся ещё во второй половине XIX в. и воспроизводившемуся затем в период Гражданской войны конкурирующими с большевиками центрами власти в Сибири и на Дальнем Востоке.

Длительный (по сравнению с другими концессиями) опыт работы японской нефтяной концессии был основан на стремлении двух государств поддерживать хрупкий баланс сил и интересов, выжидая удобный момент для его нарушения. Но это лишь подчёркивает, как представляется, изначальную конфликтность, заложенную во всякое соглашение или предприятие подобного типа. Концессии были признаком слабости государства. В случае сырьевых концессий она проявлялась в недостаточности собственных ресурсов для освоения недр на суверенной территории. Советское государство изначально стремилось компенсировать эту экономическую слабость политической силой, стремясь предотвратить превращение концессионного предприятия в экстерриториальный анклав. Как показывает опыт других нефтяных экономик, с 1950–1960-х гг. большая часть правительств стремилась с опорой на политическую власть ликвидировать результаты уступок концессионного типа, сделанных крупнейшим западным нефтяным компаниям в первой половине XX в., установив контроль над собственными недрами в той или иной форме. Советская экономика шла этим путем с 1917 г.

В 1944 г. трест «Сахалиннефть» получил доступ к инфраструктуре ушедшего японского конкурента. Со второй половины 1950-х гг. Советский Союз приступил к планомерному освоению Дальнего Востока. Пройдя ряд организационных трансформаций, советское предприятие продолжило работы по добыче нефти, а затем и газа, сосредоточившись с 1970–1980-х гг. на разведке и освоении новых территорий добычи на шельфе острова. Но и в советский период близость Японии как ближайшего ёмкого рынка вызывала к жизни различные проекты по привлечению японской стороны к разработке отечественных недр. В 1990-е гг. эти проекты материализовались в соглашениях о разделе продукции концессионного типа. На основе запасов, разведанных правопреемником «Сахалиннефти» в советский период, возник, в частности, проект Сахалин-2. Он был направлен преимущественно на японский рынок, а одним из японских акционеров стала компания «Мицубиси», заходившая на Сахалин ещё в 1920-е гг. в составе ККСКК. Тогда же, после распада СССР, быстро обнулились многие результаты освоения Дальнего Востока, а о «территориальной проблеме» заговорили не только в Токио, но и в Москве, рассматривая различные экономические уступки («участие Японии в освоении») как один из путей её решения. В настоящее время, как известно, маятник межгосударственных отношений качнулся в другую сторону. Это отразилось и на проекте Сахалин-2. Но взаимная заинтересованность сторон (одной — в сбыте, другой — в получении необходимых ресурсов) пока сохраняет его. Однако предшествующий опыт концессионного освоения недр показывает, что экономическая составляющая не является здесь определяющим фактором. Устойчивость концессий зависит от взаимного стремления поддержать определённый политический баланс или от взаимной слабости сторон.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

- Агеева А.А. (2013). Установление межгосударственных отношений России с Японией в конце XVIII — середине XIX веков [Ageeva A.A. (2013). Establishing the interstate relations of Russia and Japan at the end of XVIII mid — XIX centuries] // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. №3. С. 38–46.
- Баженова Ж.М. (2021). Карафутто в истории Японской колониальной империи [Bazhenova Zh.M. (2021). Karafuto in the History of the Japanese Colonial Empire] // *Россия и АТР*. №1. С. 146–167.
- Байбаков Н.К. (1984). Дело жизни: Записки нефтяника [Baibakov N.K. (1984). Lifework: The notes of the oilman]. — М.: Советская Россия.
- Булатов В.В. (2012). Резонансные концессионные предложения периода военного коммунизма [Bulatov V.V. (2012). Resonance Concession Offers of the «Military communism» Period (1919–1920)] // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. №12 (2). С. 104–110.
- Булатов В.В. (2012). Японские концессии на Северном Сахалине как инструмент советской внешней политики [Bulatov V.V.(2008). Japanese concessions on Northern Sakhalin as a tool of Soviet foreign policy] // *Власть*. № 11. С. 124–129.
- Булатов В.В., Гоманенко О.А. (2016). Главные факторы свертывания концессионной практики в СССР [Bulatov V.V., Gomaenko O.A. (2016). The main factors of concession practice curtailment in the USSR] // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. № 1. С. 32–42.
- Бутковский В.П. (1928). *Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР* [Butkovsky V.P. (1928). Foreign concessions in the national economy of the USSR]. — М. — Л.: Государственное издательство.
- Гришачев С.В. (2019). Японское губернаторство Карафутто (1905–1945): история и социальная память [Grishachev S.V. (2019). Japan's governorate Karafuto (1905–1945): History and social memory] // *Ежегодник Японии*. №48. С. 272–286.
- Дацышен В.Г. (2014). Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920–1925 гг.) [Datsysheh V.G. (2014). The Russian-Japanese relations in Northern Sakhalin during the Japanese occupation (1920-1925)] // *Ежегодник Японии*. № 43. С. 192–209.
- Дацышен В.Г., Ипеева А.А. (2019). Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны [Datsysheh V.G., Ipeeva A.A. (2019). Japanese presence in the Far East of Russia on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War] // *Японские исследования*. № 2. С. 109–126.
- Донгаров А.Г. (1990). *Иностранный капитал в СССР* [Dongarov A.G. (1990). Foreign capital in the USSR]. — М.: «Международные отношения».
- Елизарьев В.Н. (2007). От «Временного соглашения об острове Сахалин» (1867 г.) к Санкт-Петербургскому договору (1875 г.) [Elizariev V.N. (2007). From «Provisional Agreement on Sakhalin Island» (1867)] // *Россия и АТР*. № 1. С. 107–116.
- Елизарьев В.Н. (2016а) Иностранный капитал в сахалинских нефтегазовых проектах: как это начиналось [Elizariev V.N. (2016a). Foreign capital in the Sakhalin oil and gas projects: how it began] // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. № 2–1. С. 74–77.
- Елизарьев В.Н. (2016b). Особенности советско-японского соперничества в развитии нефтяного промысла на Сахалине во второй половине 20-х гг. XX в [Elizariev V.N. (2016b). Peculiarities of Soviet-Japanese competition in the development of oilfield in Sakhalin in the second half of the 20s of the 20th century] // *Россия и АТР*. № 2 (92). С. 89–105.
- Иголкин А.А. (2007). «С.С. Хромов. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы» [Igolkin A.A. (2007). «Khromov S.S. Foreign concessions in the USSR. An historical outline. Documents»] // *Вопросы истории*. № 7. С. 169–172.
- Исаев А.А. (2009). Социально-политические настроения на японских концессиях острова Сахалин в 1930-е — начале 1940-х гг. [Isaev A.A.(2009). Social and political attitudes at the Japanese concessions on Sakhalin Island] // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. № 4(11). С. 78–82.
- Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. (1925). [Conventions about the basic principles of relations between the USSR and Japan. (1925)] // *Электронная библиотека исторических документов. Электронный ресурс: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138564-konventsiiya-ob-osnovnyh-printsipah-vzaimootnosheniy-mezhdu-soyuzom-sovetskih-sotsialisticheskikh-respublik-i-yaroneyu-20-yanvarya-1925-g> (дата обращения: 28.04.2023)*
- Левин М.И., Шевелева И.В. (2016). Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? [Levin M.I., Sheveleva I.V. (2016). Foreign concessions in the Soviet Union, 1920s: “Why split up”?] // *Вопросы экономики*. №. 1. С. 138–158.
- Лященко П.И. (1956). *История народного хозяйства СССР*. В 3-х тт. Т. 3. [Lyashchenko P.I. (1956). The history of the national economy of the USSR]. — М.: Гос. изд-во полит. литературы.
- Мирный договор между Россией и Японией. Портсмут, 23 августа/5 сентября 1905 г. (1905). [A peace treaty between Russia and Japan. Portsmouth, August 23/September 5, 1905]. Электронный ресурс: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/portsmth.htm> (дата обращения: 27.04.2023).

- Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н. (2007). Концессионная политика Дальневосточной республики (1920-1922 гг.) [Ornatskaya T.A., Tsipkin Yu. N. (2007). Concession policy of the Far Eastern Republic] // *Россия и АТР*. № 1. С. 5–20.
- Плотников А.Ю. (2020). Из истории советско-японских внешнеэкономических связей: японские концессии в СССР в межвоенный период. [Plotnikov A. Yu. (2020). From a story of Soviet-Japanese economic relations. The Japanese concessions in the USSR during the interwar period] // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. №2. С. 94–104.
- Полное собрание законов Российской Империи. (1876). [The complete collection of laws of the Russian Empire. (1876)] // Собрание Второе. Т. LI. Отделение I. Электронный ресурс: <https://runivers.ru/bookreader/book9975/#page/196/mode/1up> (дата обращения: 26.04.2023).
- Потапова Н.В. (2012). Курильские острова в составе Российской империи (1711–1875 гг.) [Potapova N.V. (2012). The Kuril Islands as a part of the Russian Empire (1711–1875)]. Электронный ресурс: <http://www.kuriles-history.ru/book/app/> (дата обращения: 27.04.2023).
- Ремизовский В.И. (1999). Хроники сахалинской нефти. Ч. I. 1878–1940 гг. [Remizovsky V.I. (1999). The chronicles of Sakhalin oil. Part I. 1878–1940]. — Хабаровск: РИО ДВГНБ.
- Ремизовский В.И. (2000). Кита Карафутто Секию Кабусики Кайша. (Страницы истории японской нефтяной концессии на Северном Сахалине) [Remizovsky V.I. (2000). Kita Karafuto Sekiyu Kabushiki Kaisha. (Pages of the history of the Japanese oil concession on the North Sakhalin)]. — Хабаровск: РИО ДВГНБ.
- Ремизовский В.И. (2005). Сахалинские нефтяники фронту [Remizovsky V.I. (2005). Sakhalin oil workers turn to the front]. Россия и страны АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX века: Материалы конференции. Т. 2. — Хабаровск: РИО ДВГНБ.
- Стельмак М.М. (2021). Образ Японии в антибольшевистской правительственной прессе Западной Сибири в период российского правительства А.В. Колчака (ноябрь 1918 — декабрь 1919 г.) [Stelmak M.M. (2021). The image of Japan in the anti-bolshevik government press of the West Siberia at the time of the Russian government A.V. Kolchak (November 1918 — December 1919)] // *Вестник Томского государственного университета. История*. №69. С. 171–181.
- Строева М.В. (2010). Россия и Япония: Санкт-Петербургский договор 1875 г. [Stroeva M.V. (2010). Russia and Japan: The Saint Petersburg treaty of 1875] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. №3. С. 25–35.
- Трактат о торговле и границах между Россией и Японией (Симодский): 26 января / 7 февраля 1855 г. [A treatise about trade and borders between Russia and Japan (Simodsky): January 26/ February 7, 1855]. Электронный ресурс: <https://www.prlib.ru/item/375717> (дата обращения: 26.04.2023).
- Хромов С.С. (2006). Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. В 2-х ч. [Khromov S.S. (2006). Foreign concessions in the USSR. An historical outline. Documents]. — М.: ИРИ РАН.
- Шалкус Г.А. (2008). Создание и деятельность японских концессий на Северном Сахалине в 1925–1944 гг. [Shalkus G.A. (2008). The creation and activity of Japanese concessions on North Sakhalin in 1925–1944] // *Сибирский торгово-экономический журнал*. №7. С. 87–91.
- Шишкин В.А. (1991). Цена признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929 гг.) [Shishkin V.A. (1991). Price recognition: The USSR and Western countries in search of a compromise (1924–1929)]. — СПб.: Наука.
- Шишкин В.А. (1969). Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений [Shishkin V.A. (1969). Soviet state and western countries in 1917–1923. Essays on the history of economic relations]. — Л.: Наука.
- Юдина Т.В. (2019). Власть и иностранные предприниматели в советской экономике 1920–1940-х гг.: взаимоотношения, противоречия, результаты. [Yudina T.V. (2019). Government and foreign entrepreneurs in the soviet economy of the 1920s — 1940s: relations, contradictions and results] // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. № 24 (5). С. 100–110.
- Юдина Т.В. (2008). Частно-государственное партнерство в годы НЭПа (на примере концессий). [Yudina T.V. (2008). Public-private partnership during the NEP (on the example of concessions)] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История*. №3. С. 32–43.

Мельник Денис Валерьевич

dmelnik@hse.ru

Denis Melnik

*Associate Professor, Deputy Head of the Center for the History and Methodology of Economic Science,
HSE University (Moscow)*

dmelnik@hse.ru

Холдевич Дарья Станиславовна

kholdevich.ds@dvfu.ru

Daria Kholdevich

master student, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

kholdevich.ds@dvfu.ru

A GLEAM OF THE GONE NEP? THE JAPANESE OIL CONCESSION ON SAKHALIN (1925–1944)

Abstract. One of the well-established concepts in the understanding of the Soviet period is the consideration of its initial stage in relation to the implementation of the new economic policy (NEP) and the subsequent departure from it. That was reflected in the analysis of the experience of foreign concessions of the 1920s. It is consistently regarded as one of the elements of the NEP. In this article, we proceed from the fact that this concept is a hypothesis that requires verification. To this end, the first section provides a brief overview of the historiography of Soviet concessions. In the second section, the Soviet concession practice in the Far East is placed in the broader context of relations between Russia and Japan. In the third section, based on published and archived data, the main problems in the activities of the Japanese oil concession are considered. The fourth section attempts to conduct a comprehensive assessment of the desired and achieved results of its activities for both parties. In conclusion, two main theoretical conclusions are given. Firstly, the hypothesis according to which the beginning of the concessions was laid by the transition to the NEP, and the end — by its curtailment (due, in turn, to political factors) does not find unambiguous confirmation on the basis of the data considered and needs further verification. Based on this, it can be assumed that the focus on NEP makes it difficult to analyze the Soviet concession experience. Secondly, concession enterprises for the development of mineral resources in the Far East arose on the basis of the existing balance of power between states. Their functioning, therefore, initially depended on maintaining this balance to a greater extent than on economic efficiency indicators for both sides. This conclusion seems to have more than just historical significance.

Keywords: *concessions, concession agreements, Russia, Japan.*

JEL: B14, B24, F51, N44, N45, P28, P33.